ХРОНИКА «РОК-ДИЗАЙНА»

Музыкальный центр «РОК-ДИЗАЙН»

Информационное обозрение

Читайте в номере:

Александр Пантыкин. IV фестиваль СРК, октябрь '89

ПРИВЕТ, ЧИТАТЕЛЬ!

Изображенное вверху гидротехническое сооружение не означает, что на страницах нашего издания будет литься много воды: этого не позволят ни малый объем газетной площади, ни дефицит бумаги — одни из главных в бесконечном списке наших дефицитов. (Если уж «официальным» изданиям не на чем печататься, представьте, насколько сложнее приходится нам. Этим, кстати, и объясняется не очень маленькая цена «ХРД». Надеемся вам это компенсировать интересной информацией).

Мы будем встречаться с вами раз в месяц, давая более-менее оперативную информацию о том, что делается в мире рок-музыки — и вообще рок-культуры. Любителей «ласкового» попса всех видов и конъюнктурной эстрадной халтуры «под рок» должны разочаровать сразу: ничего схожего с этим у нас не будет.

Что будет?

Во многом лицо нашего издания з а в и с и т от вас: естественно, что мы будем ориентироваться на ваши письма.

Диапазон суждений о ситуации в отечественной и мировой музыке очень широк: от «Да здравствует рок!» до «Рок умер!».

Прискорбно даже не последнее мнение, а то, что оно исходит из уст людей, если не сделавших что-то для развития отечественного рока, то хотя бы сделавших себе на нем имя. Впрочем, сидя у лондонского камина, или пролетая из Канады в Италию (или еще куда) несложно перечеркнуть мимоходом все, что делается рокерами нового поколения. Только вот стоит ли упирать на то, что, де, «в наше время» и только— был «настоящий» рок? (И вообще — и сахар был слаще, и хлеб мяхше, и вода жидче...).

Почему мы назвались «Хроника «Рок-дизайна»? Не только потому, что один из издателей — музыкальный центр «Рок-дизайн», но и потому, что мы будем рассказывать и о текущих событиях в мире рок-музыки, как у нас в стране, так и «за бугром», и о всех кирпичиках рок-культуры как единого целого, и в то же время — как части общемировой культуры. Подбор тем и материалов зависит и от тебя, читатель! Ждем советов, вопросов, предложений.

Этот выпуск для тебя подготовили: Михаил Петров, Юлия Агарева, Михаил Шишков. Фото Вадима Конрадта, Игоря Горячева, Владимира Якубова, Кирилла Котельникова. Заставки Владимира Ган-Дзина и Аркадия Пяткова.

Адрес для контакта: 620219, Свердловск, ГСП-153, Тургенева, 13, Дом печати, 13 этаж, «Инфорс».

Возможно вы удивляетесь соседству этих двух фотографий, хотя ответ лежит на поверхности и имеет самое непосредственное отношение к рок-культуре. Дело даже не в том, что они родились в один месяц, но в том — какое влияние оказали они на раскрепощение тех, кто их слушал и кто им верил, кому их творчество помогло и помогает не только пробиваться сквозь всевозможные запреты и препоны, но — просто жить.

ВЛАДИМИР СЕМЕНОВИЧ ВЫСОЦКИЙ
(25.1.1938—25.7.1980 гг.)

Высоцкий формально не имеет отношение к року, но многие из нас не зря считают его своим: все его творчество — протест против официозных догм, за которыми скрываются маразмы нашей жизни.

Впрочем, вот один из первых откликов на смерть В. С. Высоцкого, напечатанный во французской газете «НУВЕЛЬ ОБСЕРВАТЕР» в августе 1980 года. Заметка прозорливо н а з в а н а «ЗАВТРА О НЕМ БУДУТ ГОВОРИТЬ. ПРОЩАНИЕ С ВЛАДИМИРОМ ВЫСОЦКИМ»:

«Ни одна газета, ни одна радиопередача, ни одна телепрограмма из Москвы не сообщили о его смерти. И все-таки, предупрежденных но невероятному тайному народному телефону, который единственно знаком тоталитарным обществам, их было множество, главным образом — молодых, собравшихся перед театром, чтобы выразить свое горе и печаль. Владимир Высоцкий был певец-поэт, который вопреки всякой пропаганде мог петь каждодневную жизнь жителей Советского Союза, простые проблемы, которые так глубоки.

Я вспоминаю прошлое лето, прогулку с ним по улицам Москвы, необыкновенную симпатию, восхищенную и нежную, которую все незнакомые прохожие очень хотели ему непосредственно высказать. «Симпатия — это не столько актеру, — объяснил он мне. — Это певцу, в котором они узнают себя. Все они имеют мою пластинку, выпущенную в Болгарии. И тем не менее ищут, чтобы хоть одну найти в наших московских магазинах: как будто случайно их никогда нет!».

Жить, существовать, делать подлинную, артистическую работу в СССР, несмотря ни на что. Это так. Дело Высоцкого останется его друзьям, музыкантам, художникам, артистам, которые есть среди тех, кто знает так же глубоко, что значит в этой стране тепло братства. Маленькое пламя, но оно почти не погасло, если судить об этом по беспрецендентному живительному скоплению людей перед московским театром».

ЭЛВИС ААРОН ПРЕСЛИ
(8.1.1935 — 16.8.77)

Он был первой настоящей рок-звездой. Король рок-н-ролла, кумир миллионов — своим неповторимым голосом он возвестил о рождении РОК-МУЗЫКИ, — феномена, покорившего мир.

Своим творчеством он примирил и породнил две, казалось, полные противоположности — музыкальную культуру белых и музыкальную культуру негров. Ему одинаковы были близки блюз, кантри, госпел, джаз. Причудливый синтез этих столь разных музыкальных стилей стал визитной карточкой певца. Так петь мог только он...

Да, после песни «Отель, где разбиваются сердца» рок-музыка не могла оставаться прежней. Элвис вкусил такой грандиозной славы, познал такое преклонение и восторг своих «фэнов», что подобное и не снилось никому из тех «звезд», что пришли после него. Было чем восторгаться: ведь Элвис стал первым рок-героем, которого каждый подросток мог назвать (пусть мысленно!) своим приятелем.

Ему хотелось простого человеческого счастья и понимания, а из него лепили послушную марионетку, способную лишь кланятся по команде. Ему не повезло в семейной жизни, и даже умер он, великий король, в одиночестве. Не было вокруг ни души...

Двенадцать с половиной лет назад умер Элвис Пресли. И самые юные его поклонники родились уже после его смерти. Но они не хотят верить в случившееся 16 августа 1977 года. Они надеются, пишут трогательные письма, которые адресат никогда не прочтет...

Его голос вербует себе все новых и новых поклонников. Один раз услышав, его уже не забудешь. А поставив на проигрыватель пластинку, всегда найдешь песню по душе, по настроению — жестокое рокабилли или сентиментальную балладу, легкомысленный кантри-энд-вестерн или тяжелый негритянский блюз, госпел или жизнеутверждающий диксиленд...

Он был первой настоящей рок-звездой. Так и останется — звездой самой яркой, доселе сияющей.

★ ★ ★ ★ ★ ★ ★ ★

АЛЛО, КАК ДЕЛА...

— Леша, меня не интересуют ни причина расхода «Нау», ни обстоятельства этого события...

А. М. — Ну, слава богу! Давай, что сможем — ответим. (В разговоре принимает участие **Виктор Комаров** — прим. ред.).

— Расскажи, каким образом ты оказался в «НП», о своей параллельной работе над «Углом» (или правильнее все-таки «Деревня»?), другими программами, ну и, конечно, как обстоят дела сегодня?

— Началось странным образом и не без участия вездесущего Саши Пантыкина. В 1982 году он поступил в «Чайник», где я уже учился, сразу на второй курс, дал как-то мне послушать «15-чик», который мне **дико** не понравился. Потом я сходил на пару концертов «Урфина», всех там увидел, а потом была легендарная тусовка в кафе, в «Молодежке». Познакомился там со Славой, с Витей, с Умецким... «Невидимка» уже был записан, значит дело было где-то зимой 85-го... Я тогда как бы с «флагами» тусовался, уж не помню, что у них и делал. Своих проектов не было...

В. К. — Пел ты там...

...в каком-то месте на клавишах, где и в дудку дуну... На подхвате, в общем. Да, еще одну нашу с Аликом Потапкиным вещь «флаги» записали — «Чук и Гек». Такой белый регги, припопсовенький.

В. К. — Потом был дико подпольный по тем временам концерт в «Уралтехэнерго», в феврале 86-го. Могилевский тогда уже в деревне отрабатывал, а сюда приехал вроде бы «Флагу» помочь...

— Приехал к «флагам», а помогал «Урфину». Были там и «Чайф», и «Нау». Подключились все в один комбик, так и выступали. Когда «Нау» работали, мне сказали: вот здесь ля-минор подуй — ну и все прочее... Потом поездка в город-герой Казань с «УД» и «Наутилусом». «УД» там так классно отработали, что «Нау» сказали просто: «Езжайте, мол, ребята, домой!» — так и не выступили. Ну, а потом все ближе с «НП», стал четвертым, репетиции пошли. Стали писать «Разлуку», в подвале клуба АРХа, вечерами. А ночью я уезжал в Первоуральск и мы с Колей Петровым писали «Деревню» — так что вышли они в одно время.

— «Разлука и «Деревня» совершенно разные по музыке вещи...

— В общем-то это был просто сброс информации, а как вышло — исходя из подручных средств. Фактически были я и Петров. Я взял «клавиши» и дул в дудку, он сделал все остальное.

— А откуда взялась «Ассоциация»?

— Я как раз рассказ Уэллса читал: пират и миссионер на необитаемом острове, где они сначала все отношения выясняют, а потом создают «Ассоциацию по возвращению заблудшей молодежи на стезю добродетели»... В 87 году была «Команда 33» записана...

В. К. — Подожди: на какой-то рок-лаборатории до этого вышли вдвоем с Потапкиным, Петров звук делал: короче, была «фанера» с живой гитарой. Аттестоваться можно было только выступив. Аттестовали и как «Ассоциацию» тоже.

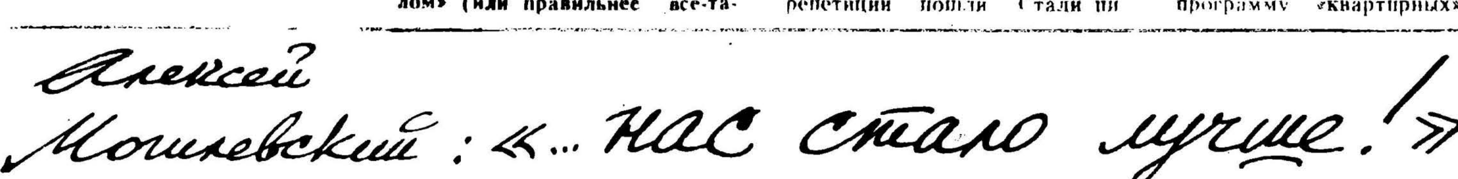
— В гусаровский фильм «Команда-33» от моего крошки какие-то вошли, на заднем плане где-то минут на 10. Жалко материал было, над ним уже работала толпа народу: и Хома был, и Алавацкий, и Виктор, Лева Шутылев, Петров, Потапкин... Решили песенки вместе скинуть. Жуткая солянка — от «металла» до «Прощай, девчонка»...

Ну, а потом 88-й, год сплошных гастролей, просто жуткий. Летом была пауза дней в десять, чтобы чем-то заняться записали в студии у Лени Порохни «Калейдоскопию» программу «квартирных» песен, уже были Шавкунов, Назимов, девчонки подпели...

Осенью — известные события, распад «Нау». Собрались у меня и Елизаров предложил остаться, как есть. Это 22 ноября было, так Днем рождения и считаем. Стали думать. Хоменко не смог, Алавацкий крайне занят на студии был, так что остались я, Витя, Зяма, Елизаров, Петров. Коля вообще здорово рискнул: бросил преподавание в музыкальной школе, все свои денежные приработки, хотя мы ему ничего, кроме шишек, предложить не могли в общем-то. До апреля над новой программой работал с нами Вадик Шавкунов, но на двух стульях усидеть трудно, так что остался он в «Насте».

Вместо него пришел Двинин и поехали мы куда «поглубже», программу обкатать. Новосибирск, Новокузнецк, Кемерово... «Чайфы» нам очень тогда помогли. Полгода, до конца ноября, писали альбом «Клетка для маленьких», сейчас вот пробуем с радио, с пластинкой... Вадик вернулся. Да, осенью с «Веселыми ребятами» по Казахстану прокатились: такой марафон из 28 концертов, новую программу обкатать.

Вот такая история четырех проектов. Даже можно сказать, что нынешний первый, не стихийный.

Что такое «Биробиджанский музтрест» — рассказывает Сергей Иванович Чернышев

Суровой зимой 1981 у трех отцов появилось дитя, причем оно сразу же опровергло расхожую мудрость о безглазом ребенке семи нянек (в нашем случае — трех), оказавшись глазастым и — что самое главное: ужасно певучим. Лет через шесть его услышали в рок-клубе.

Отцы назвали свое дитя просто, по-военному коротко: «БТМ», очевидно, заботясь о том, чтобы бдящие организации не путались в трудных словах. А полное имяотчествофамилия звучало как «Биробиджанский музыкальный трест». Никто из счастливых отцов сегодня не припомнит, чья была идея увековечить в истории фабрику-изготовителя грищенковского пианино.

— «БТМ» появился на свет, чтобы было веселей, — делится воспоминаниями Сергей Иваныч, — потом откуда-то взялась непонятная для тех лет тяга к русским романсам, к цыганской песне. Это было, кажется, классе в десятом школы — просто мы с Кириллом Котельниковым пришли домой к Игорю, повесили микрофон и — первое, что пришло в голову — записали «Я ехала домой», битловскую «Снова в СССР» на русский текст Пляцковского, пародию на «Бони М»... Но и после этого мы никак не думали, что получится что-то серьезное...

Вскоре случилась первомайская демонстрация, во время которой к Сергею подошел самый обыкновенный парень и банально попросил закурить. Несмотря на праздничное состояние и общую приподнятость чувств, Сережа различил-таки на игравшем магнитофоне хорошо знакомые и даже где-то в чем-то родные звуки «БМТ». Это воспоминание согревало его последующие пять лет, включая суровые годы армейской службы.

Сменив тяжелые сапоги на не в пример более изящную обувь, Чернышев, недолго думая, пригласил Кирилла Котельникова, а также набиравшую широкую популярность в узких кругах группу «Апрельский марш», помочь вывести «БМТ» из спячки. Этим составом и был записан второй альбом.

В отличие от хронически беременной и порождающей патологически-нескончаемые концерты группы «Ласковый май», «БМТ» так стремительно размножаться не желает, хотя и имеет вполне серьезную музыкально-душевную базу — гораздо серьезней монстра «ласковой» музыки со всеми его студиями и филиалами. Поэтому и не вышел еще третий альбом «БМТ», хотя два первых были записаны молниеносно: первый — за вечер у Игоря, второй — за ночь в филармонии.

— Почему у наших альбомов нет названий? Черт его знает! — задумчиво делится со мной Сергей Иваныч. — Забывали давать. И потом — после ночной записи не емши, не спамши, разбежались по домам и по нескольку дней не видались, а за это время, стараниями Котельникова, запись пошла по рукам.

Третий год мечтаем записать новый альбом (кстати, ему-то надо будет название придумать!), но это дело все как-то откладывается: то магнитофона нет, то пульт не работает. А вообще: может и не нужно ничего записывать? Приходит мысль в голову, что не стоит быть навязчивым, создавать какие-то альбомы, что само по себе уже подразумевает некоторую навязчивость. Лучше, наверное, раз в полгода, скажем, показать что-нибудь новое — те, кому такая музыка нравится, будут приходить на концерты и просто радоваться.

— Зачем вам нужен «БМТ», ведь это достаточно сложно — работать в двух командах?

— Основное для нас — это все-таки «АМ». Ну, а одна подготовленная программа «Музтреста» за полгода — это не так уж и сложно. Как раз наоборот: эта веселая затея нужна и для того, чтобы сбросить эмоциональное напряжение — груз «Апрельского марша». Хотя, честно говоря, когда создавался наш «Трест», мы ни о чем таком не задумывались. Просто так получилось.

В этот момент нашу беседу прервало тихое появление Игоря Грищенкова, который тут же нарвался на вопрос:

— Где интереснее работать: в «АМ», или «БТМ»?

— Это совершенно несравнимые вещи! Две наших команды дополняют друг друга — то, что мы делаем в одной, не можем сделать в другой. И наоборот...

— У «Апрельского марша» свой зритель, — продолжает Сергей Иваныч. — У «БТМ» музыка, не рассчитанная ни на кого, а значит — рассчитанная на всех. И прежде всего на нас самих. Уверен, если бы кто-то из нас почувствовал, что идет что-то не то, не хочется и не колется, — бросили бы. А пока мы работаем, потому что нам всем по кайфу.

— Значит, «БМТ» — отдых для вашей души?

— ...и отдых, и любимая работа. Если бы мы этим занимались с десяти утра до восьми вечера с перерывом на обед, я был бы очень рад.

— Как ты думаешь, слушают ли вас в Биробиджане?

— Все может быть!

— Какая песня «БМТ» любимая у музыкантов?

— Для всех нас остается хитом «Я ехала домой». Мы делали этот романс так, как это сделала бы Настя Полева, «Кинг Кримсон».. Мы все его очень любим!

— Что важнее всего для музыкантов «Биробиджанского МТ»?

— Оставаться музыкантами «Апрельского марша».

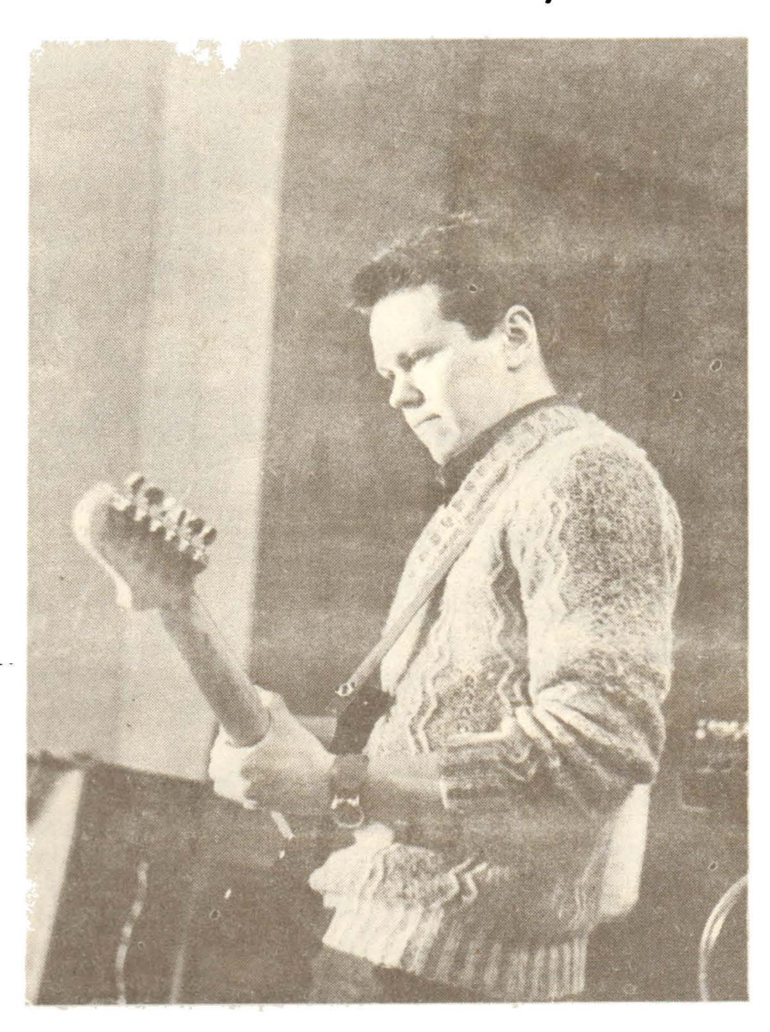
— Как ты считаешь, вы не страдаете «звездной болезнью»?

— Думаю, мы делаем вид, что не болеем ею. А вообще-то, боюсь, что в свердловском рок-клубе нет людей, которые этой самой болезнью страдали бы.

— И на прощанье — какое-нибудь пожелание читателям нашей газеты...

— Не есть немытых фруктов и не пить сырой воды!

Ю. А.

Вот и все. Для тех, кто еще не врубился: «Биробиджанский музтрест» это — Сергей Чернышев (гитара, клавишные, вокал, стихи), Игорь Гришенков (клавишные, бас, вокал), Кирилл Котельников (вокал, фото), Сергей Елисеев (бас, гитара), Миша Симаков (саксофон, вокал), Евгений Кормильцев (звук, перкуссия), Сергей Сметанин (барабаны). Все — в свободное от апрельского марширования время.

★ ★ ★ ★ ★ ★ ★ ★ ★

— Если обобщить грубо: куда идет линия генеральная? К чему больше склонности? На концерте с чехами в мае прошлого года у вас шел прогрессив-рок по типу «Йес», «Дженисиз», а на IV фестивале клуба — вдруг такой резкий уклон в поп... Нехарактерный не только для свердловского, но вообще для рока «оптимистический» саунд, чуть ли не Юрий Антонов. Многое мне не понравилось, и довольно активно...

— Понимаешь, наш альбом последний — это как трамплин для скачка. Записали. Послушали со стороны. Оценили. А дальше... Задача, скорее всего, уйти в какой-то ново-джазовый, по стилистике, с нововолновым подкрепом. Может быть, что-то вроде последних «Йес»: «Йес», с Андерсеном и Уэйкманом.

— Может быть, неприятие твоей музыки многими идет от того, что получается разнобой между серьезными, хотя порой даже стебными текстами, и как бы «облегченной», что ли музыкой?

— Но ведь это характерно для всех четырех альбомов: в принципе, если тебе труден для восприятия текст, ты имеешь право его не воспринимать. Слушай музыку — будет легко. Каждому свое? Возможно — так будет и дальше. А если говорить о проблематике, так ведь это смотря что ей считать. Если я о чем-то пою, значит, для меня это — проблема. Сейчас мне в каком смысле легче работать: приношу материал и если он всем не понравится — он просто не выйдет. А вообще мелодичность всегда любил.

— Это, конечно, ваш плюс: при всех переменах мелодичность остается, тогда как сегодняшний рок-мэйнстрим имеет более жесткий характер. В общем-то зачастую и выходит, что в «попсе» обвиняют других те, кто зациклился на «двух притопах, трех прихлопах» и на что-то свое просто не тянет...

— «Коммерческая» мы группа или нет? Тут ведь вопрос в том, что есть творчество — и что есть коммерция, вторичность. Раз у нас творчество есть, значит, все будет нормально. Пусть нашу музыку назовут поп-роком, даже «попсом», но давайте тогда расти до качественной «попсы»! В конце концов и Стинг, и Фил Коллинз и «Йес» у себя дома тоже считаются поп-музыкантами. Работать надо, выходить на новый виток. Главный критерий, чтоб и самому было «в кайф».

В. К. Сейчас, тем более, нужен профессионализм. Не просто ЧТО играть, но КАК играть, и мысли новые надо. Хватит примитива!

И в записи — тоже. Ладно, раньше было так: записались все равно как, главное, что записались. А там услышали потом слово «гады» — и уже в «кайф», уже — «рок!». А сейчас... На концерты почему публика не ходит? Да уши режет, потому что скучно. Надо аппарат брать, музыкантов подбирать, даже уроки вокала брать. Реклама нужна, те же клипы. И так и будет! И вот когда нас, хороших таких, будет много стоять на сцене, тогда и билет будет стоить полтинник и можно работать будет в маленьких залах. А не в большом сарае 25 команд по одной песне под «фанеру». И зритель пойдет умный, который знает, кого он слушать идет: «Настю» — так «Настю», «Ассоциацию» — так «Ассоциацию». И что кажется кризисом, крахом сегодняшнего рока — не надо этого бояться, это ж все закономерно. Будет рок, куда он денется? Только в новой форме, на новом витке.

— Как относитесь к подростковой «попсе»? Все эти «Ласковые маи», «Феи», «Миражи»?..

— Очень спокойно относимся. У нас много друзей, которым нравится «ЛМ». И не потому, что он так уж хорошо поет, Шатунов-то, а просто: поди-ка ты — может ведь у нас существовать и такое! Знаешь, я вот думаю: как много общего у «ЛМ» и «Нау», по-хорошему общего. Смотри: был герой, он ушел, пришел другой. Он другой, но он тоже — герой. И этот ближе им и по возрасту, и много еще по чему. Людям нужен кумир. Желательно — не похожий на предыдущего. Бутусов был именно таким. И Шатунов такой. И потом будет кто-то еще — и так до скончания века.

— Леша, давай вернемся к «Ассоциации». Расскажи о декабрьском фестивале «Звуковой дорожки» «Московского комсомольца».

— «ЗД»... Вышло так, что в Москве наш директор Сергей Вторушин встретился с ведущим «ЗД» Дмитрием Шавыриным, а тот: «А-а! Вы где потерялись?!». ...Видимо, не без того, что была мысль продать за бывших «Нау». Прослушал альбом наивнимательным образом — понравился: видно по музыке такой соскучился. Отобрал вещи, правда — все «боевики», а мы сами уже запихали одну лирическую. И не прогадали. Единственная медленная на общем забойном фоне. Да еще и единственная «стоячая» группа. Не столбами, как «Нау», и не так немного агрессивно, как на рок-фестивале было, мы это отмели.

Принимали хорошо, народу полный зал был, тысяч десять. Очень хороший звук был, каждое слово слышно было... Градскому показались, увидел он какую-то потенцию в том, что мы делаем.

— Так что, нет повода вас «пожалеть»? А то в «насменке!» письмо было в вашу защиту: не улыбнешься, мол, грустный ходишь...

— Я тебе специально по этому поводу прямо в диктофон скажу. Девушку-то ведь Мариной звали?.. Марина! Спасибо, конечно, вам огромное, но, ей богу: мы сейчас действительно не нуждаемся в жалости! Спасибо, приходите на концерт. Я не улыбаюсь потому, что в магазинах пустые полки; потому, что жене не могу ничего купить, даже не из ряда вон выходящее, хотя хочу и могу это сделать! Ну, а характер за год, видимо, изменился, поскольку я уже полтора года — в состоянии абсолютного трезвенника: это наносит отпечаток... А вообще — все нормально, идет работа, как у всех других. Главное для нас сейчас — долгосрочность, сохранение ядра группы. Самое приятное: нас стало меньше, но нас стало лучше!

Вопросы задавал
О. М.

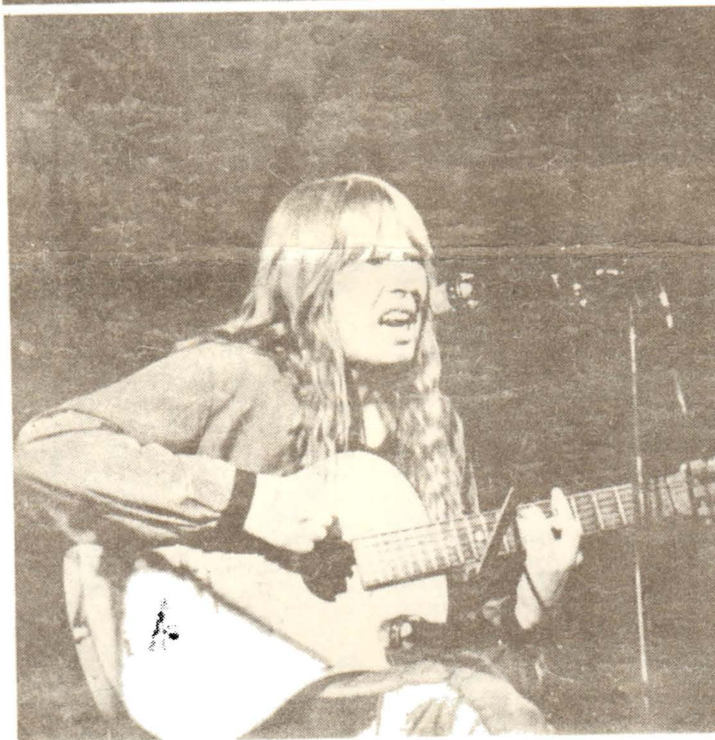
обозрение

А Я СЧИТАЮ, ЧТО...

„Люби его, пока он живой!..“

Три взгляда на концерт памяти Башлачева

Взгляд первый: из наивной тусовки

Кассы ленинградского концертного зала «Октябрьский» распирало от набившегося внутрь народа — молодого и не очень. За пределами касс длинный хвост очереди издевательски изгибался в самых невообразимых комбинациях. Было 20 февраля сего года. Время неуклонно близилось к семи вечера, до начала концерта оставалось часа полтора. Кассы — наглухо заперты, но оставшиеся после растворения по ловким рукам и не менее ловким организациям билеты (а сколько их? а всем ли хватит?) обещали продавать. Страждущие терпеливо ждали. Находившийся тут же усиленный наряд милиции готовился — на случай возникновения аварийной ситуации.

Честно говоря, больно мне было смотреть на большую часть публики: девочки и мальчики, напялив тельняшки и бывшие года-то пионерскими галстуками («под Сашу»), щедро испакостили свои щеки и одежду заветным вензелем «АлисА» или просто «А».

— Он бы еще раз выбросился из окна, если бы увидел, какая гопота ломится на его сейшн, — с аналогичным моему чувством сказал сосед по очереди, будучи представителем более серьезного разряда молодого поколения.

Как бы там ни было, хайрастый и в разной степени потрепанный пипл потихонечку бурлил у касс. Однако бурление это постепенно перерастало в грохот, и кто-то уже истошно покрикивал от тесноты в первых рядах очереди, и кого-то «за нарушение режима» уводили под белы рученьки стражи порядка.

За окнами же было темно, сыро и людно — тем более, что вход в здание касс напрочь блокировали блюстители спокойствия. Но спокойствия все же не получилось. Особенно после того, как появившаяся, словно глашатай на базарной площади, администратор возвестила:

— Товарищи! Сначала будут обслуживаться ветераны, остальные билеты пойдут в свободную продажу.

Что в такой толчее подразумевалось под словом «свободная» — оставим в качестве загадки представителям свободной Америки, ведь истомившимся ожиданием людям было явно не до ребусов. Хотя один из таковых все же заставил меня поломать голову: ветеранам ЧЕГО в первую очередь будут проданы билеты? По логике вещей следовало, что ветеранам рок-н-ролла...

Но вот часы пробили шесть, и к кассам, настороженно охраняемым патрулем, чередой потянулись бабушки и дедушки разного возраста и роста. Дружными аплодисментами было встречено появление обратно пропорционально ушедшим годам малю-юсенькой старушки, очевидно, радеющий об организованном досуге внука (-чки).

Кульминацией было возникновение перед лицом всего честного собрания нескольких иностранных туристов (вероятно, желающих вкусить крутой русский рок в полный рост, но не осознающих до конца значения этого концерта). Сия славная делегация была нижайше обслужена (интересно, что сталось с нею на улице?).

Откуда не возьмись пронесся нехороший слух: Дают по два билета в руки!, и с улицы поспешило на помощь очередникам многочисленное товарищество, остановленное в своем порыве забором милицейских торсов...

Финал предконцертной тусовки превзошел все ожидания!

Словно имитируя аншлаг на театральных кассах, администратор звонко объявила: «На сегодня все билеты проданы!». (Можно подумать, что были билеты на несуществующий «завтрашний» концерт!). Гудящая, как плохой монитор, толпа, убившая понапрасну три часа, зловеще потянулась на выход. А у входа в «Октябрьский» уже трещали загодя выставленные заграждения, и стеной стояла милиция с дубинками, со щитами и в шлемах, обликом своим чрезвычайно напоминая крестоносцев. Где-то началась драка, кто-то завизжал, едва не попав под колеса врезавшегося в толпу «лунохода».

В последний раз взглянув на продолжавший держать оборону «Октябрьский», я отправилась восвояси...

Взгляд второй: из зала

Престижный зал. Цивильная, в основном, публика. Многие из них вряд ли слышали Сашу и о Саше при его жизни и пришли из «престижных» сообра ж е н и й. Красно-черным пятном расползлась по фойе сотня фанов «Алисы». («Не к добру!» — подумал я и предчувствия оправдались).

За сценой — бойкая тусовка. Гримерки забиты до отказа. В одной из них уже выдвигает ультиматум Шевчук: или пятеро приглашенных им людей проходят — или он выступать не будет! Неподалеку в коридоре сосредоточенно налаживают гитары Полковник и Егор Летов. В сопровождении свиты гордо вышагивает по коридору Артем Троицкий.

Пошел занавес. В центре сцены — портрет Башлачева. Джордж Гуницкий напоминает собравшимся, зачем они здесь сегодня собрались, и на сцене появляется устроитель эротических экзерсисов **Слава ЗАДЕРИЙ**. Нынче он строг и краток. (При виде его съемочная группа суетливо потащила поближе свою аммуницию. Регламент предельно жесткий — не больше трех песен). А тем временем Слава пел: иногда мимо микрофона, чаще — мимо нот вообще. П е н и е г е р о я рок-н-ролла дополнялось микрофонным гулом, и поэтому текст его нового номера «Письмо из ада» расслышать не удалось. Концовка — ставший задериевским хитом башлачевский «Ежик».

Через пару минут микрофон к себе развернул **ПОЛКОВНИК ХРЫНОВ**. За последние пол-года его песни прочно прижились в фонотеках ленинградских рок-фанов: поскольку жизнь в нашей Северной Пальмире нас в последнее время не балует, ироничевые и злые песни о жизни города Горького и его окрестностей стали близки и доступны пониманию каждого. (Прием горячий. Администрация, напуганная творящимся за сценой и в зале, потребовала «убрать посторонних из-за сцены»).

После Полковника с залом общался **Андрей МАЛИНИН** — восходящая звезда ленкора, «Школу жизни» (она же «школа капитанов») он прошел в знаменитой котельной, известной под названием «Камчатка» — школа не из худших! С ноября прошлого года был призван «на действительную» в рок-клуб.

Кто, а главное — зачем, пригласил на вечер **Андрея ДВОРИНА** (следующий персонаж на сцене) для меня так и осталось неясным: общее впечатление — кабак «а ля Вилли Токарев».

А дальше... «Как? Неужели он еще дееспособен? — удивленно вопрошали зрители с рокерским стажем более 10 лет. «А это еще кто такой?» — была реакция зрителей помоложе.

И то и другое относилось к человеку, который много лет назад был одной из самых ярких звезд ленинградского рока — **Юрию ИЛЬЧЕНКО**. К 80-му году он бесследно исчез, и лишь полгода назад напомнил о себе альбомом, к записи которого приложили руки Николай Гусев («АВИА») и Михаил «Фан» Васильев («Аквариум», «Трилистник»). С первых же аккордом стало ясно, что звезда — остывшая. Очень похоже на песни, которые поют в подъездах или на туристских слетах. Мило и трогательно, но несколько «не сюда»...

А в зале с воплями «Мы вместе!» и «Рок давай!» начала свое черное дело черно-красная сотня. Какое им дело, ради чего все мы здесь собрались? Главное — выкинуть повыше «козу».

Тем временем сцена перешла в руки невысокого человека с гитарой — **Сергея РЫЖЕНКО**. Рядом с ним — московско-ленинградское товарищество. Программу открыл номер, способный стать гимном «поколения дворников и сторожей» — «Инвалиды рока». В песне — осознание печального опыта поколения, заявившего о своем праве на музыку.

Зал забурлил, взрываясь ревом и аплодисментами. Баллада сменилась рок-н-роллом, но главное — была МУЗЫКА!...

Закончила первое отделение **Инна ЖЕЛАННАЯ** (экс-«М-Депо»). Голос, который по чувственности схож с голосом Насти Полевой, казалось, должен был бы свершить чудо, но... Красно-черное стадо устроило свое обычное «представление»: с бранью, ором, угрозами. (А слушать было что!). «Спасибо!» — процедила Инна сквозь зубы, рванула струны и ушла со сцены.

И только в перерыве до меня дошло: все происходящее имеет к Саш-Башу самое малое отношение. Это просто еще одна попытка создать иллюзию того, что мы все вместе, как когда-то...

За кулисами разливали закусывали, тусовались.

Выступление Олега Гаркуши, открывшего второе отделение, по причине усталости от всего этого дня пропустил, но судя по реакции

«НОВЫЙ СВЕРДЛОВСКИЙ РОК»

—ВЫХОД ИЗ ПОДПОЛЬЯ?

Свердловские рок-фаны, как известно, обилием тусовок не избалованы. Редкие в последнее время мероприятия рок-клуба стали приобретать какой-то болезненно помпезный и заорганизованный характер, круг участников юбилеев и фестивалей сузился до элитарно-традиционного, дурным тоном стало проводить они рок-феерии без знатных (полузнатных и т. п.) иностранцев. Молодежь же от рокеров продолжает благополучно унывать в своих прокуренных полускладских репетиционных комнатухах.

В это небурное время актив «рок-дизайновской» молодежи (не в смысле возраста, но всемирной известности) рискнул явиться в свет и в меру немощного аппарата (на мощный бабок нет) вскрикнуть о себе. Оптимистично планировалось применить для достижения сей благородной цели ДК «Ураловский» полукиловатник, как и зал впрочем.

Для начала и тот и другой в последний момент благополучно обломились, о чем своевременно (всего лишь за два дня до намечаемого концерта) сообщила администрация доблестного ДК, которая вполне резонно подсчитала, что от проведения разнообразных партконференций выгода для очага культуры несравненно большая, да и вообще, «пол наш мраморный нечего топтать». Короче — все как обычно. Концерт же вроде нужно было отменять, но народ, как назло, билеты сдавать стал неохотно, требуя продолжения. Пришлось явление подпольщиков народу перенести на неделю, правда, не было ясно — куда.

Прояснилось все в последний (за день до прихода перенесенного срока) момент — конференц-зал УрГУ. Гостеприимными хозяевами выступили ребята из местной «Республики Шкет», аппарат выставил родной рок-клуб, и — поехали.

Заезд начали «республиканцы». Аппарат гудел исправно, но почему-то преимущественно по средним. По среднему работали (но с оптимизмом) и хозяева. Ну-да лиха беда начало! По крайней мере операторы хоть звук успели выставить. Изобразив поппури из почти всех рок-жанров (окромя спец-металлических) «республиканцы» под благосклонное похлопывание все же подсобравшейся тусовки освободили импровизированный, но крытый клевым брезентом помост, «Лондону», который весьма экспрессивно и не без помощи очень интеллигентного вокалиста Саши Пучкова пропел серию песен из своего первого альбома «Разорванный мир», в текстах которых (это «лондонцы» так думают): «находит отражение реальная сложность существования человека в современном мире в противовес наметившейся сегодня в рок-музыке тенденции к грубой социализации или примитивной эротизации». Не знаю как с «реальной сложностью существования» без тенденции к «грубой социализации и примитивной эротизации», но к концу их реально сложного, но слегка утомительного драйвования публика слегка подзавяла. Видимо, от избытка информации. С другой стороны, что орать-то, ведь не металлисты же лабают?

На контрасте строго хардрокового-бест-вокалово отработал «Комендатский Час». В отличие от «лондонцев» комендантские ребята, похоже, не слишком забивают себе голову причинами столь сложного бытия, а просто констатируют факты, имеющие место в нашей развеселой жизни. Красивый мейнстрим в общем получается. С хорошей-то рекламой, да в Лондоне, не вылазили бы они из хит-парадов тинэйджеровских журналов.

Стемнело. Стал наконец-то заметен один из двух сценических фонарей (благо его активно крутили туда-сюда два добровольных помощника). К микрофону бодро вышел Паша Тиганов (из «Дня», ясное дело) и не менее бодро прочитал первый из своих стишков. Зал хихикнул. Подтащились «дняне» (смотри снимок) и слабали пару вещей. Паша снова отчитал стишок. Слабали — стишок—слабали. В общем, почто отрепетированно и почти арт-роково. Ранний «Рокси» в ранние девяностые. Конец программы.

Заявка на победу сделана. Остается, видимо, выпустить каждой команде по пластинке («Республике» можно для начала сингл) и рекламы ради разъехаться по миру — кто в Европу, кто в штаты, кто в Азию-Австралию. По приезду у экс-подпольщиков появится возможно шанс на приглашение на очередной фестиваль родного Свердловского рок-клуба. Шанс увеличится, если прихватят с собой знакомых иностранцев.

Л. В.

НЕ ВЕРЬ ГЛАЗАМ СВОИМ!

Чем нас только официозная печать не радует! Взять хотя бы вот этот снимок: если верить подтекстовке Фотохроники ТАСС, но «интервью диктору центрального телевидения Татьяне Веденеевой дают участники финального тура фестиваля: (в центре) — солист группы «Санкт-Петербургъ» В. Трушин и солист группы «Агата Кристи» В. Самойлов».

Очевидно, Саша Ситковецкий так давно не давал «автографов» на родной земле (и слава Богу?), что его в лицо уже не узнают. Ладно уж, что Вадима не назвали кем-нибудь вроде Сильви Врайт...

публики, он «флот не опозорил».

— «Все происходящее здесь — не больше, чем «попс», и мало кто из вас осознает значение Саш-Баша» — под ликующие вопли зала так начал свое выступление **Егор «Хилый» ЛЕТОВ**. Зал испуганно притих, а он пошел выдавать акустику с резкой электрической энергетикой. Зал слушал, лишь изредка позволяя себе аплодировать.

Отпев свое, Егор растворился за сценой, уступив место **Янке ДЯГИЛЕВОЙ**. Янка убрала со лба прядь пышмы вспомнили, что «рок-н-ничных волос, запела — и ролл — славное язычество».

Объемный, словно растворяющий в себе голос, песни, по искренности и чистоте сродные башлачевским. И драматизм, как у Патти Смит.

А время неслось и призвало на сцену **Андрея МАКАРЕВИЧА**. Песни, исполненные в этот вечер «легендо рок-н-ролла» можно безоговорочно назвать взрослыми песнями взрослого человека, напрочь лишенного самолюбования. Песни-наблюдения но не холодным, как у БГ, взглядом со стороны.

Все это можно было бы сказать и о «Чайфе», выступление которого стало пиком концерта. Каждая песня шла «на ура», а «Поплачь о нем» пел весь зал. Это могло бы стать светлой кодой фестиваля, но к несчастью рок-концерт и режиссура у нас понятия редко совместимые!

До полной «звездной» обоймы на сцене был нужен **ШЕВЧУК**. И он там появился. В увертюре блеснул техникой Никита Зайцев, а дальше — тоска смертная: с трудом доплелся до конца «Дороги» коленопре к л о н н ы й Юра. Все это отдавало фарсом, скучным и никому не нужным. Ни вкуса, ни чувства меры. (Господи, когда же конец?!). Но и на этом точка не была поставлена — развеселившийся окончательно Джордж объявил, что «сейчас начнется настоящий рол-н-ролл!». (Интересно, чем же было все предыдущее?).

Участники концерта под предводительством Ильченко поют его незабвенный хит «Бей, колокол»... (Трогательно,, наверное, но очень уж все это натянуто). И под самый занавес — сенсация, как кролик из цилиндра: дуэт Ильченко и Макаревича с песней «Дождь». Здорово, но явный перебор.

А потом погас свет, и появился на экране Саша — живой и с гитарой — кадры, невошедшие в фильм «Рок». А потом — съемки с похорон...

Взгляд третий: со сцены

У таких, как я, неудачников оставалась еще надежда попасть на ночной сейшен, обещанный в 24.00 в ДК Связи. Однако реклама, промелькнувшая на телеэкране в «600 секундах», оказалась зряшной: приглашались на самом деле только музыканты — участники концерта (ну и, как водится, приближенные к ним и к событию лица). Остальная же масса жаждующих зрелищ на подступах к ДК была крепко сдавлена лихими «добровольцами» в ш т а т с к о м.

По возвращении в Свердловск Шахрин рассказал о своих впечатлениях.

— Володя, что же происходило на этом ночном сейшене при закрытых дверях?

— Музыканты просто приехали в ДК Связи отдохнуть, посидеть вместе. Концерта там вовсе не было, народ совершенно напрасно ломился, обмороченный рекламой по ТВ.

— Твое мнение о концерте в «Октябрьском?».

— Мероприятие достаточно нужное, хотя отношение у меня к нему не радужное. Это не поминки, когда можно сходить с друзьями на кладбище, а повод, чтобы музыкантам собраться и поиграть акустическую музыку — выплеснуть что-либо из себя. По-моему, нужнее не куча мелких фестивалей, посвященных Башлачеву, а именно один серьезный мемориальный концерт. Это же не пробег по пушкинским местам, организованный клубом любителей бега, когда физкультурники несутся по захоронениям. Хотя многие в Ленинграде отнеслись к вечеру памяти скептически, посчитав, что мы, его участники, чуть ли не сплясали на Сашиной могиле. Но это совсем не так.

Конечно, не надо спекулировать на теме, но, я думаю, концерт был сделан правильно. Кто-то хуже, кто-то лучше вписался в него, но дело это нужное — и музыкантам, и публике.

— Как тебе понравились зрители?

— Как распространялись билеты — это особый вопрос. В первых рядах сидели те, кто мог, а не те, кто хотел попасть. Хотя весь зал я, конечно, видеть не мог — он казался сплошной черной ямой. Но я верю, что из четырех с половиной тысяч все же попала масса тех, кто не только мог, но и хотел посмотреть наш концерт.

— Как ты считаешь, с чем связан массовый психоз со стороны рвущихся на концерт оголтелых подростков?

— Только с именем Константина Кинчева — было объявлено, что в концерте выступит «А л и с а», — («Опять напишут, что Шахрин не любит, когда строят козу», — сказал по этому случаю В. Бегунов), — Кинчева я уважаю, но он породил какого-то страшного, совершенно дикого зрителя. «Чайфу» такой зритель не нужен. Это не менторство, не поучение какое-то мое, просто нам такой народ не по кайфу.

— Какого качества исполнители выступали в концерте?

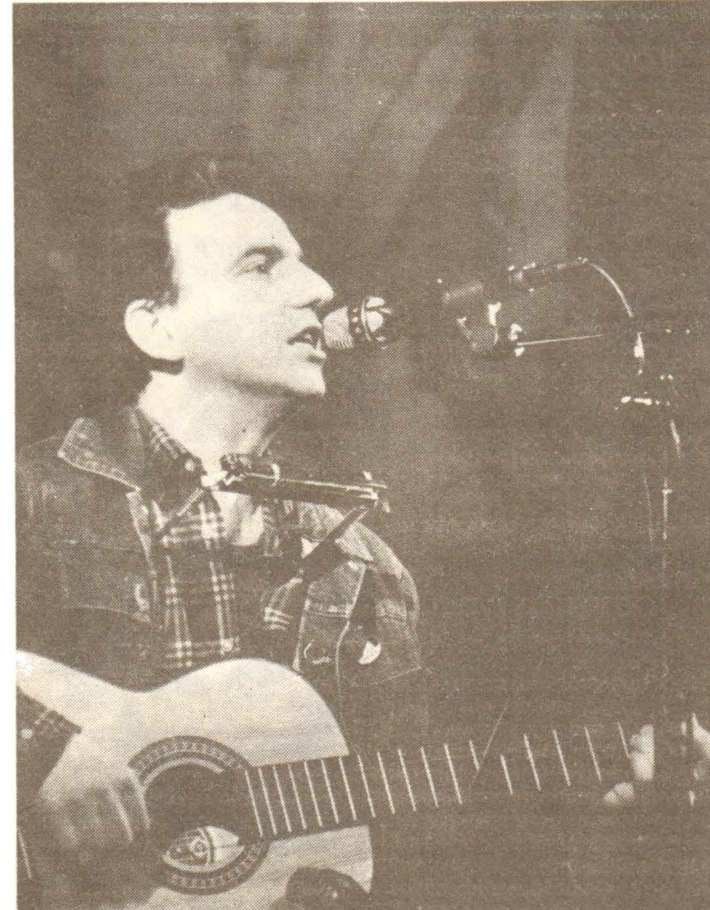
— От «крайне экстремистских» — Лентова, например, — до лиричных — Макар, Янка, Инна Желанная, немного Юра Шевчук. Хорошим было то что представлялись разные грани акустической музыки. Судить же о собственно музыкальной стороне лучше тем, кто был в зале. Ведь музыкант в своих суждениях необъективен — он же слышит музыку, раскладывая ее по полочкам.

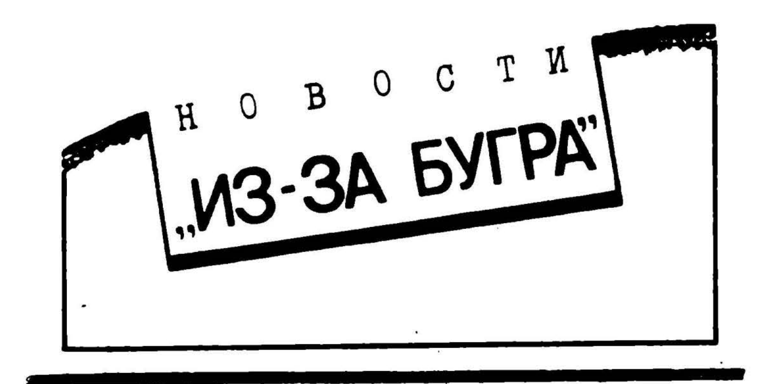
Что касается матерных слов, звучащих с любой, — в том числе и с большой, — сцены, то отношение к ним такое. Если это не режет по ушам, значит, нормально вписано, как у того же Башлачева. Вот, например, Янкина песня (**по идейным соображениям цитировать ее не буду — Ю. А.**) без употребления в ней мата звучала бы неинтересно, не выражала бы нужную мысль.

— Главный итог концерта?

— То, что было организовано, не прошло напрасно. Можно кричать о любви к Саше и ничего при этом не делать. А теперь появились средства, чтобы привести в порядок могилу.

На концерт и рядом с ним смотрели Юлия АГАРЕВА и Михаил ШИШКОВ (Ленрок-клуб).

▲ **АКЦИЯ, КОТОРАЯ БУДЕТ** проходить 30 июня 1990 года в Небворте, Англия, заранее получила название «Шоу века». Концерт продлится с 12 до 23 часов. Его участники — обладатели ежегодного приза Британской индустрии звукозаписи «За особый вклад в развитие Б. И. З.». Это — «Роллинг стоунз», Клифф Ричард, Джордж Майкл, «Квин», Элтон Джон, «Дайэр стрейтс», Дэвид Боуи, Фил Коллинз, «Статус Кво», «Пинк Флойд», Пол Маккартни, «Тирз фо Фирз» (единственные, у кого нет приза, но зато их продюсер Пол Кинг — один из организаторов шоу) и другие, пока не названные, «суперзвезды». Каждому участнику отводится 45 минут. Будет прямая трансляция по программе «Радио-1» и спутниковому телевидению на 65 стран мира. Организаторы считают, что шоу (включая доход от проката отснятого по ходу концерта фильма) позволит получить 3000000 фунтов стерлингов, которые пойдут на благотворительные цели. По предварительным заказам уже разошлось более половины билетов (общее число — 120000) стоимостью 30 фунтов каждый.

▲ **СОХРАНЯЯ СЕМЕЙНЫЕ** традиции, Джэйсон «Сын Джона» Бонхэм, Эндрю «Юный Питер» Тош и вокалист Дэнни Макмастер хард-роковым трио записали альбом «Игнорируя время». По оценке музыкальной критики, «все время слышится то «Лед Зепплин», то что-то вроде него, но это не повтор, а просто работа в духе классики харда».

▲ **АМЕРИКАНСКАЯ МУЗЫКАЛЬНАЯ** критика весьма прохладно оценила премьеру в Кливленде, штат Огайо, оперы «Святая кровь и Полумесяц», автором и постановщиком которой стал экс—«Полис» мен Стюарт Коупленд. Постановка трагической любовной истории из эпохи крестовых походов, обошедшаяся ему в миллион долларов, местной газетой была охарактеризована как «действо, представляющее из себя ряд мало связанных между собой любительских эпизодов, несмотря на 120 задействованных исполнителей и оркестр из 50 человек» .Тем не менее, работа аранжировщика отмечена высоко. Это хорошо известный ветеран рока Дэррилл Уэй, с которым жена Коупленда певица Соня Кристина когда-то работала в отличной группе «Карвед эйр».

▲ **ДЭВИД БОУИ** выпустил альбом-ретроспективу из шести пластинок, названный «Звук и изображение» («Саунд энд вижн»). Предварительная цена — 70 фунтов. Очевидно это обусловлено массой самых разнообразных — неожиданных приложений, входящих в комплект. Появление альбома на рынке поддержано концертным турне Боуи по всем континентам, начиная с Австралии.

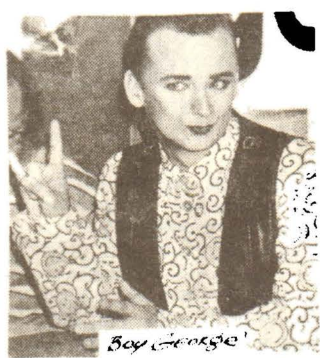
▲ **ВЫСШУЮ ОЦЕНКУ** — 5 баллов — получил в английском журнале «Кью» альбом из пяти пластинок «Живой и неизданный ранее» («Лив энд анрилизд»). Это — записи Джими Хендрикса, концертные и студийные, за равные годы работы.

▲ **НОВАЯ РАБОТА ЭРИКА КЛАПТОНА** иронично названа «Путешественник» («Джорнимэн»), поскольку он очень часто перебирается из одной студии или концертного зала в другие, помогая многочисленным друзьям и почитателям. Долг платежом красен, и на этот раз пришли на помощь они: Джордж Харрисон, Фил Коллинз, Мик Джонс (экс-«Форинер»), Чака Хан, дуэт «Уомэк энд Уомэк», джазмены Гэри Бартон, Ариф Мардин, Хэнк Кроуфорд.

На диске представлены вещи широкого диапазона: от пресслевской «Хаунд дог» до фанки-композиций. Благодаря участию Роберта Крэя, удалось преодолеть излишний налет поп-звучания, к которому иногда тянет Эрика. Оценив альбом в 4 балла, рецензент отмечает, что Клаптон «не просто повторяет свои прежние находки, но нашел много новенького. Еще парочка таких работ, — заключает он, — и на заборах снова будут писать: Эрик — бог!».

▲ **17 СЕНТЯБРЯ** прошлого года на островок Монсеррат в Карибском море обушился ураган, оставив 12000 жителей без крова. Достаточно рядовое по мировым масштабам событие, но дело в том, что Монсеррат очень хорошо знаком рок-звездам: в студии этого острова многие из них вдали от суеты записывали свои пластинки. По инициативе Джорджа Мартина выпущен сборник, куда вошли песни, местом рождения которых стал Монсеррат. Он так и называется: «После урагана. Песни для Монсеррат», и все деньги, вырученные от продажи, пойдут в Фонд помощи жителям острова. Участники благотворительной акции: «Роллинг стоунз», «Дайэр стрейтс», «Кьюэ», Элтон Джон, «Йес» (Андерсон, Уэйкман, Брафорд, Хоуви), «Полис», «Миджи Уре», «Эрроу», «Симпли ред», «Пол Маккартни со Стиви Вандером, «Бой Джордж, «Статус Кво», «Назарет», Лютер Вангросс, «Дюран Дюран», «Кассав», Гиллан/Гловер, «Раш» и «Чип трик».

▲ **БОЙ ДЖОРДЖ** стал не только автором и исполнителем, но и продюсером своего нового сингла «Только Иисус любит тебя, когда любовь ушла». Он записал его с экс-барабанщиком «Калчэ клаб» Айоном Моссом. Первый за три года альбом «Нервная головная боль» не слишком хорошо пошел в Европе, хотя ненадолго попал в хит-парады Англии и Японии. Взяв с него лучшие композиции и дописав новые, Бой выпустил новую версию в США под названием «Хай хэт» («Высокая шляпа»). Продюсером за океаном стал «шеф» Бобби Брауна Тедди Рили. Сегодня вся четверка «Калчэ клаб» работает в студии, записав уже 14 вещей для нового альбома. Руководство «Эр.си-эй» считает, что они «опять слишком щедро разбрасываются идеями».

★ ★ ★ ★ ★ ★ ★ ★ ★ ★ ★ ★ ★ ★ ★

Эксл Роуз, старший из трех братьев, жил с родителями в местечке Лафайет, штат Индиана. Повзрослев, он переехал в Лос-Анджелес, где, как ему казалось, было больше возможностей сделать карьеру. Со старым другом, гитаристом Иззи Стрэдлином Роуз вскоре организовал хэви-метал группу, в которую вошли еще гитарист «Слэш» и барабанщик Стивен Эдлер, несколько позже присоединился басист Дафф Маккэлен. Поначалу дела у молодой группы «Ганз'н'Роузиз» («Пушки и розы») шли неважно: на первое официальное выступление в одном из клубов пришло только два человека. Последовали годы кропотливой работы, репетиций и небольших концертов, пока в марте 1986 года с группой не заключила контракт фирма грамзаписи.

Ро

Дебютный альбом «Ганз'н'Роузиз». «Тяга к разрушению» неожиданно для многих занял ведущие места не только в списках хэви-метал-рока, но и в общенациональных хит-парадах многих стран. Всего продано уже более 12 млн. экземпляров диска, который надолго задержался в пятерке лидеров журнала «Биллборд». Об этом успехе и о творчестве группы с **ЭКСЛОМ РОУЗОМ** беседует корреспондент журнала «Роллинг Стоун»:

Axl Rose: «Я похож на богатую свинью!»

Первый концерт: **2 зрителя**

Первый альбом: **12 миллионов экземпляров продано...**

— Еще несколько лет назад вы были жалким парнишкой из рок-группы, а сейчас вы — лидер из самых популярных в мире групп. Вы уже привыкли к успеху?

— Привыкать к успеху — это лишняя головная боль. Успех — это действительно странно и требует определенной хватки. Никогда раньше у меня не было своего дома, мне никогда не приходилось иметь дело с деньгами, которые мы зарабатывали, я не знал, как собираются налоги и т. п. Еще несколько месяцев назад я ненавидел все это, пытаясь изменить жизнь, но сейчас я успокоился.

— Вступало ли когда-нибудь ваше отношение к творчеству в противоречие с финансовой стороной рок-н-ролла?

— Это не для нас. Рок-н-ролл — музыка, это искусство. Это, конечно, и хорошие деньги, но они должны быть на втором месте после искусства. Я вычислил это, и сейчас я что-то вроде президента компании, которая стоит 125 миллионов долларов.

Мне нравится быть удачливым. Я всегда был бедняком. С другой стороны, когда это приходит к людям с деньгами, я всегда говорил: «Богатые? Чтобы им подавиться!». Но теперь я сам похож на богатую удачливую свинью. Мне это не нравится, ведь я по-прежнему остаюсь сам собой. Никто из нас не был любимчиком в школе, мы всегда были отбросами общества, которые сейчас объединились и объединили свои таланты.

— Есть ли какой-нибудь урок, извлеченный вами из прожитой жизни?

— Любому, кто сейчас учится в школе, я бы сказал: «Учись бизнесу». Не важно, чем еще ты собираешься заниматься, — искусством или чем-либо другим, но учись бизнесу. Ты можешь сказать: «Я не хочу заниматься коммерцией», но если ты что-то делаешь, чтобы заработать деньги, ты все равно делаешь что-то коммерческое. Ты можешь даже щелкать гамбургеры в Мак-Дональде, ты все равно это делаешь с коммерческой целью.

— Кажется, женщины являются одной из основных тем у «Ганз'н'Роузиз», вы не романтик?

— У меня много контактов. Это действительно тяжело поддерживать отношения с одним человеком, если он не разрешает тебе быть с другими. У меня много подруг. Если ты не особенно влюблен в кого-то, то тебе вполне может нравиться кто-то еще. Ты можешь считать их привлекательными, можешь захотеть провести с ними время. Может быть, в этот момент ты влюблен, кто знает. Я считаю, что любовь и влечение идут рука об руку, как бог и дьявол, одно без другого не существуют. Но я никогда не говорю кому-то, что я люблю, если действительно не влюблен.

— Обратимся к вашему детству. Вы были плохим учеником?

— Нет. На проводимых в одиннадцатом классе тестах я вылетел, потом вернулся и опять вылетел. Я не мог заставить школу, так сказать работать на меня. Я должен был читать книги, петь песни, рисовать вещи, которые никак не вдохновляли и не восхищали меня. Это ничего мне не давало. Когда меня выгнали, то я стал рисовать дома, много времени проводил в библиотеке.

— Вы коснулись имиджа рок-звезды и сказаки о том, что многим людям нравится музыка только потому, что она ассоциируется у них с определенным внешним видом и манерой поведения. А что можно сказать, об имидже Эксла Роуза с его длинными волосами, татуировками и наколками на груди?

— Это часть меня. Когда я одеваюсь или еду в приличное место, где меня будут фотографировать, я хочу выглядеть, как можно лучше. Если ты идешь на свидание с кем-то, то ты хочешь хорошо выглядеть или для этого человека или для себя.

Когда мы играем концерты, я надеваю на голову повязку, потому что волосы лезут мне в глаза. Когда мы фотографируемся, я тоже надеваю повязку, потому что так я выгляжу на сцене. Я пытаюсь самовыразиться через одежду. Это тоже своего рода искусство. Меня совершенно не волнует, что думают люди о том, как я выгляжу. Я хочу делать то, что я хочу.

— Кажется, у вас очень тесные связи с вашими друзьями. Думаете ли вы, что они как-то изменились, когда вы стали богатой рок-звездой?

— Прошлой ночью я встретил бездомного парня на берегу. Я ненавижу попрошаек, потому что сам никогда этим не занимался. Подошел к нему и обнаружил, что у меня в кармане есть деньги. Протянул ему двадцать долларов, и он ответил: «Я очень благодарен за вашу доброту». Завтра он сможет позавтракать. Уверен — он не пойдет покупать наркотики.

* * *

Для тех из вас, кто постоянно следит за новинками грамзаписи на Западе, приводим выборку из рецензий на альбомы декабря—февраля английского журнала «Кью». Система оценок в нем следующая: 5 звездочек «потрясающе, невероятно»; 4 — «прекрасно»; 3 — «хорошо»; 2 — «плохо»; 1 — «просто трагично». Как видите, довольно эмоциональный ряд.

1. **ЛЕВЕЛ 42.** Сборник из 14 песен, которые составители сочли лучшими. (3).

2. **БЭД МЭННЕРЗ. «Возвращение к безобразию»**, (4). Новый альбом после очень долгого молчания одной из самых забавных и интересных групп, вместе с «Мэднесс», разработавших «ска».

3. **КЭН. «Верное время»**, (4), Первый за одиннадцать лет альбом «отцов» авангардной импровизационной электроники из ФРГ.

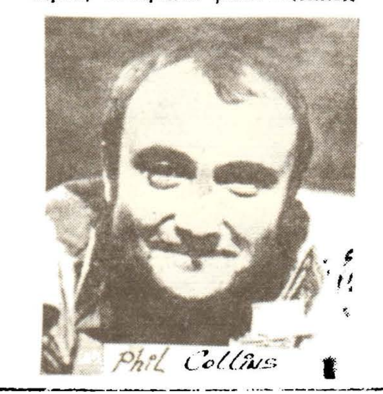
4. **ФИЛ КОЛЛИНЗ. «..., но серьезно»**, (3). Создается впечатление, что Фил не спит и не ест, а только и делает, что записывает пластинки, клипы и выступает в совместных и сольных проектах.

5. **«КРИЭЙШНЗ»**, (4). Впечатления от отдыха на Гавайях, пропущенные через головы ветеранов панк-авангарда Сиукси Сиу и Баджи оф Бэншиз, составивших этот дуэт.

6. **ДЖИПСИ КИНГЗ.** «Мозаика», (4).

7. **АЙЭН ДЬЮРИ «Яблоки».** (2). Песни из нового мюзикла когда-то самого большого скернослова панк-рока о политиканах и продажной прессе.

8. **ДЖОН ЛИ ХУКЕР. «Лекарь»**, (5). Альбом в музыкальном диапазоне от «чистого» блюза до композиций в духе Сантаны и Тауншенда. В записи участвовали Роберт Крэй, ветераны рока «Кэннед

хит», Бонни Райтт, «Лос Лобос» и Джордж Сорогуд.

9. «ДЖЕФФЕРСОН ЭЙРПЛЕЙН», (1). Хотя в реанимированном лидере психоделика 60-х собрались его старые члены и даже старушка Грейс Слик, результат можно охарактеризовать словами старого анекдота: «Ну уж нет! Умерла так умерла!».

10. БИЛЛИ ДЖОЭЛ. «Фронт шторма», (2). Попытка создать «звуковой вал» по типу «роллингов», что вкупе с лиричным голосом дало эффект безликости, как у огромного числа стандартных «стадионных» групп.

11. МАРК НОПФЛЕР. «Последний выход в Бруклин», (3). Саундтрек лидера «Дайэр стрейтс» к кинофильму о жизни НьюЙорка начала 50-х. Джаз, лирика, синклавир, в паре мест — классические скрипки. «Заказная» работа, стилизация по ТВ — сериалы того периода и о том же периоде.

12. КИСС «Жара в тени», (1). Бегая по кругу, все больше напоминают «Квин» в беспредельном самолюбовании.

13. ПАНДОРАЗ БОКС. «Первородный грех», (3). Новая команда «Литл Ричардовского Вагнера» Джима Стейнмена (помните — «Мит лаф», Бонни Тайлер», «Систерз оф мерси»?). Вокалистки Эллен Фоули и Элайн Козвелл неплохо помогают слушателю воспринимать этот концептуальный альбом, где намешано все, от речитатива до металла в духе 70-х.

14. ПАПЛ ХЕЛМЕТС. «Поднявшись снова», (3). Второй альбом тройки экс—«Стрэнджлерз»: Джи Джи Барнелла, Дэйва Гринфилда и Алекса Джиффорда, к которым присоединились в студии гитарист Питера Гэйбриела Джон Эллис и барабанщик из «Тирз фо фирз» Мэнни Эльяс. Уклон в жесткий, рваный ритм-энд-блюз. Выходит что-то вроде того, как если бы вещи их старой команды стали играть «Дорз». Можно танцевать, а если не очень привередничать, — то и слушать. Тем более, что у бывшего саксофониста Джиффорда оказался отличный голос.

15. СТАТУС КВО. «Великолепная защита», (2). Что-то вроде возврата к поп-року, с которого когда-то начинали: все тот же подчищенный, препарированный буги, хотя и не такой скучный, как обычно.

СТИНГ ОТВЕЧАЕТ НА ВОПРОСЫ ЖУРНАЛА «РОЛЛИНГ СТОУН» И ГАЗЕТЫ «ЛИБЕРАСЬОН».

— Когда-то вы играли джаз в родном городе, потом прогремели с «Полис», а сейчас снова вернулись к джазу...

— Я не играю джаз, просто мои нынешние музыканты пришли из джаза. Рок, джаз, кантри — эти понятия для меня не имеют значения. И если эти термины все-таки что-то обозначают, — то, что они обозначают — мертво. А музыканты — она живая, она развивается. Я —музыкант и играю нотами, а не стилями.

— Таким образом, вы отвергаете рок или джазовую культуру?

— Я не придаю этому значения и не принадлежу ни к какой культуре, ни к какому направлению. Мое видение — глобально. Музыканты, будь то исполнители джаза или рока, сами создали себе гетто. Я же люблю проникать повсюду. Самое лучшее, что было в рок-музыке — ее способность воспринимать все, что ей нужно, и из этой смеси черпать силы, развиваясь и обновляясь. Сегодня же рок имитирует рок, делая пародию на самого себя, а это уже форма декадентского искусства, которое готовит себе смерть.

— С вашей точки зрения, смешение разных жанров является единственным способом нахождения новых форм?

— Не может речь идти о каких-то новых формах: они уже давно все найдены. Но и разграничение разных жанров — абсурд. Когда говорят, что только негры могут играть рэггей — это, по сути дела, расизм, как и утверждение, что кантри — удел лишь белых. Музыка — это музыка, она не принадлежит никакой расе, она не имеет цвета. Она в воздухе, она проникает в душу. Я не пишу, собственно, ничего нового, но то, что я делаю, как бы проходит через меня и становится уникальным. Песни — словно отпечатки пальцев.

— Судя по всему, вам больше нравится работать с джазовыми музыкантами?

— Да, я постоянно контактирую с ними. Они обладают некоей утонченностью, чем-то более сложным, чем рок-музыканты. И мои идеи более близки джазу, а рок стал слишком ограниченным: три аккорда и однообразные ритмы.

— Но это еще и манера поведения, образ жизни...

— В начале пути — да, когда это было новым. Музыканты и их жизнь были важны, потому что это было неразделимо с их музыкой. Сейчас же они копируют то, что видели когда-то: становятся то бунтарями, то паиньками, то моложе, то солиднее — в зависимости от обстоятельств. А ведь человек должен быть таким, какой он есть.

Мне давно за тридцать, у меня четверо детей, и мои проблемы иные, чем у молодежи. Внешний облик важен, но он должен быть достойным и правдоподобным. Я не могу натянуть на себя кожаные джинсы в обтяжку и сделать гребень на голове только потому, что это модно. Если молодежь приходит на моих концертах в восторг, я счастлив, конечно, что имею что-то общее с ними — и не отрицаю этого... Но я обращаюсь к аудитории более взрослой, потому, что когда я пишу песни, я продолжаю оставаться главой семьи, со своими проблемами и своим видением мира.

— Какую музыку вы слушали, когда двадцать лет назад подростком жили в Ньюкасле?

— Там был клуб под названием «Гоу Гоу», где начинали «Энималз». А первые, кого я услышал, были «Грэхэм Бонд Организзйшн» с Джеком Брюсом на бас-гитаре и Джоном Маклафлином на соло-гитаре. Это было невероятно! Позже я услышал «Джими Хендрикс Инспириенс», а месяцем позже — «Крим». Мне было лет 14 или 15 и это перевернуло мою жизнь.

Видеть Хендрикса... В Ньюкасле никогда не было чернокожих, а Хендрикс был огромным парнем с невероятной прической, какой я до этого никогда не видел, в кителе времен войны с Наполеоном. В клубе, где выступал, он разбил потолок своей гитарой. На меня, подростка, такое бурное выступление произвело очень сильное впечатление.

— Можете ли вы сравнить музыкальную сцену Ньюкасла вашего детства и Лондон середины 60-х?

— Ньюкасл всегда был мрачным, но в то же время там были потрясающие джазовые музыканты. Я начал играть джаз на бас-гитаре. Мои коллеги выступали еще во времена войны и называли меня «Малыш» — сейчас это звучит довольно странно.

— А почему вы все равно продолжали играть джаз, даже услышав «Крим» и Джими Хендрикса?

— Джаз музыкальнее, а я хотел быть Музыкантом. Я учился читать по нотам, одеваться, как нормальный человек, и понимать, что аккорд имеет по крайней мере 12 вариантов. Только в этом случае тебя начнут уважать. А в изучении аккордов поп-песен или копировании «Лед Зепплин» нет ничего хорошего.

— Увлекались ли вы идеями хиппи, проектами мира и любви?

— Это казалось мне настолько далеким от реальности, что не представляло никакой ценности. Хиппи говорили о способе ухода от общества, а я хорошо учился, был хорошим спортсменом и изучал музыку. Я по настоящему работал и шел своим путем.

— Вы всерьез решили стать частью существующей системы?

— Да, я стал частью системы: школьным учителем. Я знал, что мой день не наступил. Я играл в эту игру и плыл по течению. Моя мать была очень рада, что я работал в школе: еще бы, я имел постоянный доход и стабильную зарплату... Я был респектабелен.

— Кто-нибудь догадывался о ваших намерениях?

— Я особенно их не скрывал, но выжидал момент, а пока — был хорошим учителем. В двадцать четыре года, поработав в школе пару лет и обзаведясь первым ребенком, я сообщил директору о своем уходе.

Мать воскликнула, когда я ей сказал об этом: «Ты не можешь этого сделать! Ведь у тебя хорошая постоянная зарплата!». А я ответил: «Не могу поверить, что ты мне говорить такое — ведь мне уже 24 года. Да плевать я хотел на эту зарплату! Я уезжаю в Лондон».

— Во время краткого союза с истэблишментом вы не интересовались политикой, в частности — марксизмом?

— Он не был мне близок, пока я не пошел работать на фабрику по быстрому замораживанию гороха, сразу после школы. Отвратительная работа и смены по 12 часов. Там было много убежденных марксистов, я был один из них, хотя и не знал, что мы собирались делать: проводить забастовки, демонстрации или еще что... А вообще моя семья, как и большинство в Ньюкасле, обычно голосовала за лейбористов.

— Вы писали что-нибудь о политике?

— Нет, специально — нет. Я писал очень личностные вещи. Я не собирался взлетать на трибуну и произносить обличительные речи. Я всегда верил, что изменить мир можно только в том случае, если изменишься сам. Тогда, пусть ты не можешь изменить весь мир, ты сможешь изменить его малую часть.

— Какую именно?

— Ну, скажем, написал я песню «Русские», в которой в основном звучит один вопрос: «Любят ли русские своих детей?». Это глупый вопрос — кого же они, спрашивается, еще любят? Но реакция на это такова: если это так, то тогда выходит, что они гораздо человечнее, чем их обрисовал всему миру Рейган. Это очень простая идея, но она вызвала массу споров по обе стороны океана. Итак, вопрос был задан, и люди задумались над ним. Но только потому, что он был облачен в прекрасную мелодию.

— Когда в середине 70-х вы начали с «Полис», на британской сцене был панк-взрыв. Панк был полон всего, за исключением красивых мелодий. Насколько серьезна для вас тогда была нигилистская эстетика панка, и, как вы думаете, верил ли в свои собственные слова Джонни Роттен, когда пел «Нет будущего?».

— Думаю, что он был абсолютно серьезен. «Нет будущего» — это реальность, которую мы должны, мы вынуждены были признать. Будем ли мы жить на земле через 10 лет? Через 5 лет? Эта тревога вовсе не была шуткой. Мы имеем право остановиться и сказать: «Минуточку, а что за ерунда происходит?». Причина, может быть, преувеличена, но песня была убедительна.

— Чем был панк: закономерностью или просто короткой встряской?

— Он был частью развития музыкальной культуры. Все песни в то время были такими прилизанными, скучными и безопасными, что взрыв был неминуем. Сегодня мы вновь вернулись в тот период развития, когда для молодежи в музыке очень трудно сделать что-либо интересное, а для суперартистов — дать новый импульс. Сейчас нет новых сил в рок-музыке. Люди откапывают пластинки 50-х, 60-х, даже 70-х годов и переделывают их. Поп-музыка сегодня — это застой. Это поедание своих собственных детей. Единственная надежда — взгляд в иную сферу.

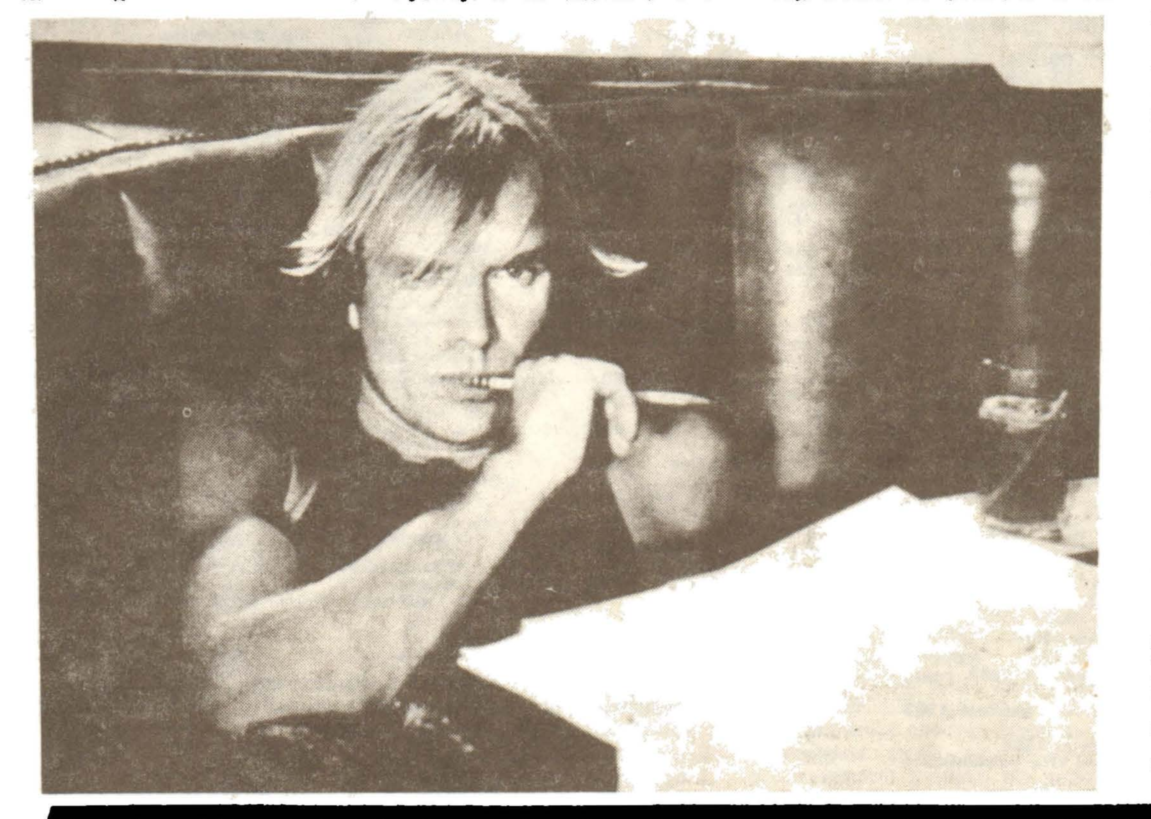
Я ничего не имею против рок-н-ролла, но мне интересна музыка в ее целостности, поскольку сугубая власть рока испарилась. Вы включаете телевизор и обязательно видите группу парней с длинными развевающимися волосами и в узких штанах. Но это уже было в 60-х и чуть позже!

— Ваши пластинки выходят миллионами тиражами во всем мире. Как вы оцениваете свое влияние на людей?

— Я уверен, что большинство из тех, кто их покупает, их не слушает. Хотя некоторые, конечно, это делают и пишут мне письма. Например, я получил массу посланий по поводу песни «Убийца по номерам». Одна мамаша из Северной Каролины прислала длинное возмущенное письмо о том, что будьто бы я совращаю ее детей и призывая их убивать своих родных. Я написал ей в ответ письмо ничуть не короче, в котором объяснил, что эта песня — ироническая и смысл ее в том, что вы раскрашиваете уже готовую картинку, получая в итоге портрет Моны Лизы. Это просто песня о том, как легко в обществе убить человеческую индивидуальность. Потом она написала еще раз, она благодарила меня и сказала, что в этот раз, она благодарила меня и сказала, что в этот раз она все поняла, но ее дети — нет.

— Стремитесь ли вы к славе?

— Нет, я пишу песни скорее для себя, нежели для других. Конечно, меня радует, что пластинки продаются, что их крутят по радио, что на мои концерты ходят. Но это приносит и определенные проблемы: в такой ситуации оказываешься, как говорится, в башне из слоновой кости, поскольку встречаешься с адвокатами и бухгалтерами как с единственными друзьями. А я хочу жить как нормальный человек — выходить на улицы, общаться с разными людьми...

[redacted]: Минуточку, а что за ерунда происходит?

ХИТ-ПАРАД '89 ЖУРНАЛА TOP LP's Billboard

1. «Не будь жестокой» — Бобби Браун.

2. «Мертвая хватка» — «Нью Кидз он зе блок».

3. «Навсегда твоя девушка» — Пола Абдул.

4. «Нью-Джерси» — «Бон Джови».

5. «Вкус к разрушению» — «Ганз энд Роузиз».

6. «Сырой и приготовленный» — «Файн Янг Кэннибалз».

7. «Ложь «Ганз энд Роузиз» — «Ганз энд Роузиз».

8. «Странствующие Уилбери, часть I» — «Трэвеллин Уилбериз».

9. «Истерия» — «Дэф Леппард».

10. «Девочка, ты знаешь, что это правда» — «Милли Ванилли».

11. «Квартал порока» («Скид роу») — «Скид Роу».

12. «Как молитва» — Мадонна.

13. «Яркий» — «Ливинг Колор».

14. «Бичиз» — саунтрек из одноименного фильма.

15. «Уингер» — «Уингер».

16. «Электрическая молодежь» — Дебби Джибсон.

17. «Отдавая тебе лучшее, что у меня есть» — Анита Бэйкер.

18. «Стреляя из рогатки по звездам» — Эди Брикелл энд «Нью Бохемиэнс».

19. «Лихорадка в полнолунии» — Том Петти. (На снимке).

20. «Открой рот и скажи «Ах...» — «Пойзон».

ФОНОТЕКА СТУДИИ ЗВУКОЗАПИСИ СВЕРДЛОВСКОГО РОК-КЛУБА

«АГАТА КРИСТИ»:
— «Второй фронт», 1988, 40 мин.).
— «Коварство и любовь», 1989, (37 мин.).

«АПРЕЛЬСКИЙ МАРШ»:
— «Музыка для детей и инвалидов, 1987,
— «Голоса», 1988.

«АССОЦИАЦИЯ СОДЕЙСТВИЯ ВОЗВРАЩЕНИЮ ЗАБЛУДШЕЙ МОЛОДЕЖИ НА СТЕЗЮ ДОБРОДЕТЕЛИ» (группа А. МОГИЛЕВСКОГО):
— «Угол», 1986, (37 мин, *).
— Команда 33», 1987, (30 мин.).
— «Калейдоскопия», 1988, (30 мин, *).
— «Клетка для маленьких», 1989.

ЕГОР БЕЛКИН:
— «Около радио», 1985, *.

«БОТВА»: «Овца по жизни», 1986, (30 мин.).

«ВОДОПАД им. Вахтанга Кикабидзе»:
— «Водопад» отвечает на письма», 1987,
— «1-й Всесоюзный панк-съезд», 1987,
— «Музыкальный ринг»: «Водопад» — «Ласковый май» № 20», 1989, (90 мин.).

«ВСТРЕЧНОЕ ДВИЖЕНИЕ»: «Свет на пути» (рок-сюита), 1987.

«ЗАПРЕТНАЯ ЗОНА»: — «Я боюсь...», 1987, (30 мин.).

«КАБИНЕТ»: — Вскрытие», 1986, (40 мин, *).

Андрей КАШТАНОВ: — «Слушайте этой ночью», 1986, (35 мин.).

«КУКУШКИН ОРКЕСТР»: — «Харакири», 1988, (30 мин.).

«КАТАЛОГ»: — «Для тех, кому уза 30», 1982, (30 мин.),
— «Дважды два четыре», 1984, (30 мин.).

«НАУТИЛУС ПОМПИЛИУС»:
[illegible] *).
— «Невидимка», 1985, (35 мин, *).
— «Разлука», 1986, (*).
— концерт в Таллине, 1987,
— «НАУсибирск» (концерт в Новосибирске), 1987,
— сборники 1987 и 88 гг.,
— концерт в Сочи, 1988,
— 3-й фестиваль СРК.

«НАСТЯ»: — «Тацу», 1987, (*).
— «Ноа-Ноа», 1989.

Александр НОВИКОВ: — «Улица Восточная», 1984, (70 мин.).

«ОТРАЖЕНИЕ»: — «Другая игра», 1986, (*).
— «Излом», 1987,
— «Членский взнос», 1988.

«ПЕРВОУРАЛЬСК» (группа Н. Петрова), альбом 1988 года, (30 мин.).

«ПОЛИГОН»: — альбом 1983 года,
— «Иллюзион», 1984.

«Р-КЛУБ»: — «Не утешайся», 1981, (*).
— «Р-клуб», 1986, (30 мин, *).

«СТЕП» (группа Е. Димова): — Мост», 1985, (40 мин.).

«ТАЙМ-АУТ»: — «Книга жалоб», 1985, (30 мин.).

«ТОП»: — «С'Топ», 1989.

«ТРЕК»: — «Трек-1», 1980-81, (30 мин.),
— «Трек-2», 1981, (35 мин.).
— «Трек-3», 1982.

«УРФИН ДЖЮС»: — «Путешествие», 1981, (35 мин., *).
— «15», 1982, (75 мин., *).
— «Жизнь в стиле хэви-метал», 1984, (*).
— «Пять минут неба», 1989, (30 мин.).

«ФЛАГ»: «Вьюга», 1984, (30 мин.),
— «Поражение в кредит», 1985, (30 мин.).
— «Мы из СССР», 1987.

«ЧАЙФ»: — «Жизнь в розовом дыму», 1985, (60 мин, *).
— «Субботним вечером в Свердловске», 1986, (30 мин., *).
— «Дерьмонтин», 1987,
— «Дуля с маком», 1987,
— концерт на открытии сезона, 1987,
— «Лучший город Европы», 1989,
— «Не беда!», 1990,
— выступление на Дне рождения СРК, 17-3-90.

ИНОГОРОДНИЕ ГРУППЫ:

«АВИА»: — «Жизнь и смерть композитора Зудова»; 1986, (30 мин.),

«АКВАРИУМ»: — «С той стороны зеркального стекла», 1975, (30 мин.).
— «Синий альбом», 1981,
— «Треугольник», 1981,
— «История «Аквариума»: акустика», 1980-1981,
— «Табу», 1982,
— «Электрошок» (zальник), 1982, (90 мин.),
— «Радио Африка», 1983,
— «Ихтиология» (зальник), 1984,
— «День серебра», 1984,
— «Дети декабря», 1985,
— «Народный цикл», 1986,
— «Десять стрел» (зальник), 1986,
— БГ — концерт 1989 года.

«АЛИСА»: — «Шестой лесничий», 1989.

К. КИНЧЕВ: — «Нервная ночь», 1984, (50 мин.).
— акустика, 1988, (90 мин.).

А. БАШЛАЧЕВ: — «Время колокольчиков», 1986, (70 мин.),
— концерт в Москве, 1986, (70 мин.).

«ВЕЖЛИВЫЙ ОТКАЗ»: — «Опера-86», 1986, (30 мин.).

«ВОСТОЧНЫЙ СИНДРОМ»: — «Студия 13», 1987,
— «С ключами на носу», 1988.

«ГПД» (Харьков): — альбом 1987 года.

«ИГРЫ»: — «Крик в ночи», 1989.

«ГРАЖДАНСКАЯ ОБОРОНА».
— «Красный альбом», 1986, (30 мин.).
— «Хорошо», 1987, (30 мин.),
— «Мышеловка», 1987, (30 мин.).
— «Тоталитаризм», 1987, (30 мин.).
— «Некрофилия», 1987, (30 мин).

«ДДТ»: «Дуст», 1982, (30 мин.),
— «Свинья на радуге», 1982, (30 мин.),
— «Большой компромисс», 1983, (30 мин.),
— «Периферия», 1984, (30 мин.),
— «Время», 1985,
— «Оттепель», 1987,
— «Я получил эту роль», 1988.

«ДК»: — «1948», 1987,
— «Минное поле им. 8 марта», 1987,
— «Непритупная забывчивость», 1988,
— «Черная ленточка», 1988.

«ЗВУКИ МУ»: — «Простые вещи», 1989, (90 мин.),

П. Мамонов: — акустика, 1989, (90 мин.),

«ЗООПРК»: — московский «зальник», 1980,
— «Сладкая Эн и другие», 1982,
— «Уездный город Эн», 1983,
— «Белая полоса», 1984.

«КАЛИНОВ МОСТ»: — сборник лучших песен.

«КИНО»: — «45», 1982,
— «Начальник Камчатки», 1984,
— «Это не любовь», 1985,
— «Ночь», 1986,
— «Группа крови», 1988,
— «Звезда по имени Солнце, 1989.

«КРЕМАТОРИЙ»: — «Кома», 1988,
— концерт '89.

«ЛИДЕР»: — «День сумасшествия», 1988.

«НАТЕ»: — 5-й фестиваль Лен-Рок-клуба, 1987.

Юрий НАУМОВ: — «Не поддающийся проверке, 1987,
— «Перекати-Поле», 1989.

«НОЛЬ»: — Музыка драчевых напильников», 1986.

«ОБЛАЧНЫЙ КРАЙ»: — альбом 1982 года, (70 мин.),
— «Великая гармония», 1983, (30 мин.),
— «Х-я самодеятельность», 1983,
— «Ублюжья доля», 1984, (30 мин.).

«ОБЪЕКТ НАСМЕШЕК»: — «Гласность», 1987,
— «Жизнь настоящих ковбоев», 1989.

«ПОП-МЕХАНИКА»: — концерт в Свердловске, 1987, (90 мин.).
— «Введение в Поп-механику», 1987.

«ПРИМУС» (Ю. ЛОЗА): — «Путешествие в рок-н-ролл», 1983.

«СКАНДАЛ»: — концерт 1989 года.
таморфозы», 1983, (30 мин.).

«ТЕЛЕВИЗОР»: — «Отечество иллюзий», 1985,
— концерт в Голландии, 1989.

Условия оказания услуг по звукозаписи:

Запись осуществляется на катушках и компакт-кассетах, которые заказчик приносит лично или высылает по почте. Стоимость записи: 40—45 минутного альбома — 3 руб. 50 коп., 35-минутного — 3 руб., 30-минутного — 2 руб. 50 коп. Стоимость пересылки — 1 рубль за каждую касету. Деньги и пленку высылать по адресу: **620077, Свердловск, Володарского, № 9, рок-клуб, студия звукозаписи, САКСИНОЙ Ольге Викторовне.** Наложенным платежом и по безналичному рассчету записи не высылаются. Альбомы, помеченные (*) имеют оформление. Стоимость — 1 руб.

По тому же адресу можно заказать следующую печатную и рекламную продукцию:

1. Газету «Перекати-Поле», посвященную IV фестивалю СРК — 30 копеек (высылается не менее 10 экземпляров);
2. Информационное обозрение «Хроника «Рок-Дизайна» — 50 коп. (Условия пересылки — те же);
3. «Румба» — советско-финская рок-газета — 5 руб.;
4. Плакат IV фестиваля СРК — 1 руб.;
5. Плакат-календарь «Чайф» — 2 руб.;
6. Календарик (В. Бутусов) — 10 коп. (Не менее 10 экз.);
7. Наклейки «Свердловский рок-клуб» — 50 коп.

После получения перевода Вам будет выслана бандероль.

КОНКУРС ЖУРНАЛА «Парус»

В адрес фирмы «Мелодия» — нашего монополиста по производству музыкальконсервов обращено немало негодующих слов, пролито немало чернил. И поделом. Но даже сейчас, переведенная на хозрасчет гигантская фирма не в состоянии угнаться за всем многообразием эстрадного мира. В итоге шанс начинающих музыкантов, даже если они очень талантливы, пробиться на студию «Мелодия» практически равнен нулю. Даже маститым приходится выстраиваться в очередь.

Записать диск, конечно мечта, но... В качестве альтернативы уже давно существует так называемая «магнитофонная культура». Довольно густая сеть студий тиражирования позволяет распространять магнитоальбомы от Буга до Курил чуть ли не молниеносно. Резонанс бывает такой, что официальной прессе и эфиру игнорировать «самозванцев с гитарами» становится невозможно.

Альтернативная структура в общем-то неплоха — по крайней мере она почти удовлетворяет потребность населения в эстрадной мизыке. Но она имеет два существенных недостатка. Во-первых: ни продавец ни тем более покупатель, как правило, совершенно ничего не знают об исполнителе, даже если его записи пользуются бешеным спросом. Во-вторых, от весьма немалого денежного оборота студий тиражирования сами музыканты не имеют ровным счетом ничего. И на наш взгляд это несправедливо.

Можно ли изменить сложившуюся систему? Попробуем, причем, возможно, неожиданным способом.

Итак, внимание:

КОНКУРС!

который проводит журнал «Парус» и Экспериментальное производственное объединение «Триумф». В нем могут участвовать от всех известных до всем неизвестных музыкантов (для них отдельная беговая дорожка). По итогам конкурса будет вручено 10 фирменных призов (каких — пока секрет) в следующих категориях: певец года, певица года, магнитный альбом года (в жанрах рок- и поп-музыки), дебют года, песня года, и, наконец, приз симпатий читателей «Паруса». Обладатели этого приза определит анализ читательской почты, судьбу остальных решит всесоюзное жюри, в сотав которого мы объявили позже. (К слову, о жанрах — под поп — мы подразумеваем развлекательную, танцевальную, дискотечную музыку).

Теперь внимание группам и исполнителям, желающим прислать свои фонограммы для участия в конкурсе. Запись должна быть сделана на скорости 19 см/сек. или есть есть возможность, на студийной ленте на скорости 38 см/сек. К записи необходимо приложить как можно более полную информацию а именно:

1. Название песен и их хронометраж.

2. Авторы слов и музыки.

3. Состав коллектива, если это группа, а также лица, помогавшие в работе над программой — кого вы считаете нужным упомянуть, краткие биографические данные, все, что считаете нужным сообщить о себе.

4. Продюсер записи — т. е. тот, кто делал «саунд» (звучание).

5. Время и место создания фонограммы.

6. «Обложка» магнитоальбома в любом виде — рисунка, фотографии, проекта или просто идеи (не обязательно но желательно — рецензии на магнитоальбомы мы хотели бы печатать вместе с такими «обложками»). Если можно — адрес для фан-контакта, и любую другую информацию по желанию. **Посылать фонограммы нужно по адресу:**

Г. МИНСК, ПЕР. К. ЧОРНОГО, 5, ЭПО «ТРИУМФ».

Естественно, вы можете приобрести любые из заинтересовавших их записей, обратившись по адресу: 22050, Минск, Главпочтамт, абонентный ящик 448, студия ЭПО «Триумф». Авторы музыки и текстов получат положенные законом авторские отчисления с каждого проданного экземпляра.

ИНФОРМАЦИОННОЕ ИЗДАНИЕ МУЗЫКАЛЬНОГО ЦЕНТРА «РОК-ДИЗАЙН» И МХЦ «ОКТЯБРЬСКИЙ»

◆

АДРЕС ДЛЯ СВЯЗИ:

624219, Свердловск, ГСП-153, Тургенева, 13, Дом печати, 13 этаж, «Инфорс» («Хроника «Рок-Дизайна»). Телефон — 56-91-15.

РЕДАКТОР М. ОРЛОВ.

Полиграфическое производственное объединение «Асбест», 624060, г. Асбест, улица Садовая, 5.

Подписано в печать 23.04.1990 года НС 15036.
Заказ № 2591. Тираж 15000. Цена 50 коп.